

Светлана Висляева

**ОСЕННИЕ
ДОРОГИ**

СТИХИ И БАЛЛАДЫ
о природе и жизни

Москва
2007

УДК 82-14

ББК 84

В53

Члены редакционной коллегии:

Оформление: В. Висляев

Вёрстка: В. Висляев

Фото: В. Висляев

Графика: А. Астрецов

В53 С. В. Висляева

С. В. Висляева Осенние дороги: стихи и баллады о природе и жизни. — М.: Издательство ООО «Полиграф Центр», 2007. — 192 с.

Светлана Висляева живет в Москве, долгое время работала в московских изданиях журналистом. На суд читателей этот первый сборник стихов представлен впервые. Так что просим читать, сильно не критиковать (а то обидится) и всячески хвалить (не то следующий сборник не захочет писать). Если кому-то покажется, что стихи слишком грустные, так это не стихи, а жизнь такая. Поэт - лишь зеркало...

ISBN 978-5-903438-01-3

© Оформление ООО «Полиграф Центр», 2007

Spencer

ОСЕННІЕ ДОРОГУ

В крупном снеге в кругах фонарей
Зябко кружат мечты человечьи.
Жмутся к свету поближе, к теплу.
Снег идет, и согреться им нечем,
И ложатся прохожим на плечи,
Словно лапы пушистых зверей.

1976 г.

Уйду в траву,
Навеки скроюсь
В державе спутанных корней.
В зелёный мир войду по пояс
Дрожащих бликов и теней.

Отдам я тело по частице
Зелёным дебрям и камням.
Отдам глаза весенним птицам,
И пальцы дереву отдам.

Исчезну вся.
Войду в березы.
Сквозь тело с болью проведу
Зимой снега, а летом - грозы
И снова душу обрету.

И пусть не будет мне покоя.
Я буду всем, везде, во всем.
Моя душа на лес и поле
Прольётся радостным дождем.

.....

И будет солнце,
Будут вёсны

Моими ливнями играть.
И будут листья ночью звёздной
С моих ладоней опадать.

1976 г.

Весенняя песенка

Пустеет пачка сигарет,
И ни гроша в карманах нет,
А если честно, и карманов
тоже нет.

Тоска в желудке - вот беда!
Гранит науки - не еда,
А ист. грамматика - и вовсе
ерунда.

А за окошком, как назло,
Весенне буйно и тепло.
А солнце щурится хитро -
Бросай зубрить.
Упругий воздух -
как вода,

Пред ним все книги - ерунда,
Его, наверное, как воду можно
пить.

Нет, век в читалке
не прожить,

Пойду по городу бродить,
Хоть не предвидится обед -
в который раз!

.....

Всё это, в общем, не беда,
Хоть свежий воздух - не еда,
Но я дышу им -
насыщаюсь про запас.

1978 г.

Как важно вовремя уйти
И потушить на время свет.
Не вспоминать слова в пути,
Которых не было и нет.
Как важно вовремя уйти...

Наверно, много впереди
и поражений, и побед.
Я знаю, снова вспыхнет свет,
Но нужно многое пройти,
Десятки тысяч тёмных лет.

Наверно, будут впереди
И свет ресниц, и звёздный свет,
Вот только эту боль пройти.
Века пустых, безлюдных лет.

1978 г.

Сквозь зажмуренные
ресницы
От твоих губ - в глаза -
тепло...
Боюсь открыть,
От счастья замерев.
Необыкновенный свет,
Среди тьмы -
торжествующий свет,
И сомненье неслышно ушло.
Провожу рукой
по твоему лицу,
Едва-едва, чуть заметно,
А потом касаюсь
губами губ,
И они - солёные...

1978 г.

Брожу по городу. Заглядываю в лица
Прохожих и домов. Не то! Опять не
то!

Нет среди них лица, которое мне
снится.

Нет твоего лица. И чуда не случится.
По улицам бегу. И не поймет никто,
Что от тебя бегу и вновь ищу тебя.
Что я люблю тебя. Что я свою обиду
Часами втаптываю в пыльный тротуар
До боли в мышцах ног..

Молчит Тверской
бульвар.

Сочувственно молчит, не подавая
виду,

Что знает всё и может всё понять.

В вечерней полутьме мигает
фонарями

И пробует принять часть боли на себя.
Пытается обнять деревьями, домами,
Вечерней синевой и теплыми огнями
И, растворив в себе, тоску мою унять.

1978 г.

Хороший мой!
Выплакаться -
 слёз нет.
Глаза сухи,
 песком запорошены.
Душу свою
 на волю
 хочу выпустить.
Как птица, бьётся...
Раствориться,
 растаять,
 не чувствовать.
Тело отдать,
чтобы не было
больно ему.
Эту оболочку -
 постылую, нелюбимую.
Безнадёжность закрыла
 хилыми ручками
Глазные впадины.
Больно!..
Помоги!

1978 г.

Надо уметь понять,
Надо уметь прощать.
Нужно порой щадить,
Нужно уметь
любить.

Мало еще – любить,
Важно терпимым быть.
Надо уметь беречь,
Рук не жалеть и плеч.

Важно порой смолчать,
Резкий удар смягчать,
Нужно подчас забыть,
То, что нельзя простить.

1978 г.

Милый мой,
Ну какие с тобой мы нескладные!
Люди просто и ясно живут,
и только у нас всё не так.
Вот идем и молчим,
Каждый чувствует душу другого.
Каждый слов не находит,
не знает, о чём говорить.
Каждый взглянет тайком
и тотчас же свой взгляд
отведет,
Как бы взгляд ненароком чего не
сказал,
а другой - не заметил.
Но друг друга с тобой поминутно
мы в том уличаем.
И немного неловко...
Вот так и идём,
руки плотно засунув
в карманы.

1979 г.

Льются строки тяжёлые
Каплями медленной ртути.
В формах мыслей моих
Отливается
 светлый металл.
Он тяжёл,
 не оформлен,
 громоздок,
Но вымыт слезами.
И в огне моей памяти
Вечный обрёл свой закал.

В том огне, где горели
Пресветлые детские чувства,
И где грозные,
 грешные,
 бурные
Вихри встают,

Там сгорала душа -
Ты прислушайся,
 сердцем почувствуй
В нервной дрожи руки
Перестук беспокойных минут.

1980 г.

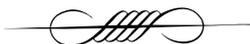
Перед грозой

Мир напрягся, жуткий, бездыханный.
Солнце обнажённой рваной
раной
Вспучилось в разрывах низких туч.

Воздух загустел и воровато
Облепил всё тело вязкой ватой,
И на уши наложил сургуч.

Кровь в висках пульсирует
толчками,
Тело неподвижно, словно камень,
Нервы ж напружинились, как жгут.
Мир затих,
большой, тяжеловесный.
Затаился. Под ногами - бездна.
Затаился.
Он готов к прыжку.

1981 г.

Яблоневый сад

Яблони клубятся белым дымом.
Кажется, сейчас сорвутся
 ввысь.
Выше, выше, мимо, мимо, мимо.
Вот и оторвались,
 унеслись.
Ветер их несёт над синим
 миром,
Яблони парят, как снегопад.
А вокруг свергаются кумиры,
И гудит набат, набат, набат!
А вокруг - юродства,
 слёзы,
 войны,
Над землёй встопорщились
 кресты.
Тщетно жаждут люди быть
 достойны
Этой вечной светлой красоты.

В мешанине суетной вселенной
Гибнут и рождаются миры.
Только это чудо неизменно,

Только здесь -
ни фальши, ни игры.

Вновь и вновь
над жаждущей землёю
Яблони плывут, как облака.
Кажется, их солнечным покоем
Полны все грядущие века.

Лепестками белыми
затоplen,
Мир усталый вновь помолодел.
Словно счастье вырвалось
на волю,
Словно горе снова не у дел.

1981 г.

Вечер

Сырой землёю пахнет.
Сонный дождь
Всё тычется и тычется в прохожих
Холодным мокрым носом -
Всё не может
Им объяснить какой-то ерунды,
Столь важной для него...
На мокрой коже
Весенние и звонкие следы.
Я пристаю к дождю с моим вопросом,
Дождь тычется мне в щёку мокрым
НОСОМ
И слизывает капельки воды.

1982 г.

Человек одинок изначально
В этом лучшем из сущих миров.
Бродят маски, смешны и печальны,
В одеяньях из смеха и слов.

Будешь мрачен или празднично-
весел,
Будешь добр или зол, всё равно
Одиночества липкая плесень
Паутиной затянет окно.

Слишком чутки и слишком ранимы
Бродят люди по этой земле.
И все те, проходящие мимо,
Оставляют свой след на тебе.

Чтобы выжить, не быть
беззащитным,
Человек одевается в ложь.
Вот и ты... Каждым словом обидным,
Каждым взглядом насмешливым
лжёшь.

Ты растерянность прячешь в усмешке,
Одиночество терпкое пьёшь
И, стараясь прослыть безмятежной,
Плачешь, мечешься, веришь и ждёшь.

Справедливейший мир!

Отчего же

Ты во лжи так чиста и светла?

Дал нам Бог слишком нежную кожу,

А вокруг слишком мало тепла.

1982 г.

Весна

Солнце на добрых пол-неба
Раскрылось счастливой улыбкой.
Смотрит на всех хитро
и подмигивает прохожим:
Дескать, вот так!
Что, хорошо вам, тепло?
А я, между прочим,
тут и ни при чём!

1985 г.

В лесу предзимнем -
 пустота покоя.
Всё брошено
 извечной правды ради,
Каких-то древних и великих истин,
И оттого -
 пронзительная ясность.
Как люди пожелтевшие тетради,
Листает лес души своей страницы,
Чтобы воспоминаньями напиться
И отреченья терпкий вкус познать.
Вычёркивает лишнее спокойно,
Без сожаленья
 и ненужных слов.
Всё позабыть и всё простить готов.
От пестроты и буйства
 летних красок,
Пьянящих запахов,
 тревожных звуков
Он отказался строго и бесстрашно.
И взгляд его печален
 и суров,
Он сбрасывает суетный покров
И схиму зимнюю
 безропотно приемлет.

1985 г.

Белый стих

Уж не белые ли ночи
Поднялись над белым миром?
Белый снег старинным вальсом
Проплывает близко-близко.
Всё затоплено снегами,
Белым сном укрыло землю,
В белых сумерках деревья
Приютились до весны.
Я растаю шаг за шагом,
Стану просто белым следом
И засну под белым платьем
Посреди большой зимы.
Пусть друзья меня не вспомнят,
Пусть меня никто не ищет..
Белый снег скользит неслышно,
Белый снег рождает сны.

1986 г.

Баллада

Среди бессилья и тоски
Лежат зыбучие пески.
Над душами имеют власть,
Не дай вам Бог
 туда попасть.
Не дай вам Бог в часы тоски
Услышать, как поют пески.
Услышав, как
 в тиши ночной
Пески беседуют с тобой,
Ты побежишь туда –
 и вновь
От сердца вдруг
 отхлынет кровь.
Друзей ушедших голоса...
Любимой грустные глаза...
Щемящий душу
 тихий взгляд...
Проснётся боль
 былых утрат,
И всё, чем жил ты
 много лет,
В немислимый сольётся свет.

.....

И растревожишься, и вновь
Как птица, прынет ввысь
 любовь.
И каждый нерв
 охватит дрожь,
Рванешься к призракам,
 шагнёшь,
Как в бездну,
 в прошлое шагнёшь...
Но лишь в песок
 ничком падёшь.
Забьёшься в бешеной тоске,
Песок в глазах,
 на языке...
И в пустоте раздастся вдруг
Лишь сердца собственного стук.
Да крик глухой,
 да шум песка...
Да губ закушенный оскал.

Среди бессилья и тоски
Лежат зыбучие пески,
Над душами имеют власть...
Не дай вам Бог туда попасть.

1986 г.

В свои заботы погружён,
Забыл я за делами грешными,
Что осень дьявольский костёр
Зажгла последними надеждами.

Жаль, леность моего ума
Не в силах охватить смятения,
В котором лес, сходя с ума,
Все ждёт святого Воскресения.

Но вот пришёл и мой черёд
Уйти в осеннее изгнание.
Полынный ветер вести шлёт,
Отодвигая расстояния.

В осеннем мареве дрожит
И дразнит сердце пыль дорожная,
Под ветром горсточки обид
Рассеялись и не встревожили.

Прощай, растерянный мирок,
Набитый суетой бумажной,
На сто дорог лукавый Бог
Перекроил мирок вчерашний.

В награду нищему – сума,
Иного не ищу спасения.
Лесов горящих кутерьма –
Дорог моих благословение.

1986 г.

Я счастлива теперь,
Как могут только
птицы,
Когда они, глаза зажмурив,
тянут
Сверкающие шарики воды.
И, запрокинув голову,
глотают
Стеклянный дробный звон,
И воплощают
Его в пьянящий солнечный
аккорд.
Они в себя вбирают
зелень утра,
И волны зноя,
шорохи травы,
Мерцающие блики и росу,
И блеск, и шум -
По капле, осторожно...
А после в сердце их
перемешают
И превращают
в радость бытия,
В пьянящий хор,
В безудержные песни.

Так я теперь в себя
вбираю жизнь –
Не размышляя и не сомневаясь,
Взахлёб глотаю,
весело и жадно.

1986 г.

Молитесь богам,
Что таятся за кромкою буден.
Молитесь рукам,
Раздающим добро и тепло.
Не духам, не ликам святым,
Поклоняйтесь же людям,
В какую б вас гавань отчаянье не
завело.

Молитесь земле,
Одиноким усталым прохожим,
Пристанищам редким,
Дарующим краткий покой.
Молитесь богам,
на обычных богов не похожим,
Врачующим души
Спокойствием и добротой.

Они где-то рядом,
Смешные усталые боги.
И мало удачи
Отмерено им на пути.
Но тихий их свет
Утишает и гасит тревоги,

И нам освещает дороги,
 что нужно пройти.
Молитесь же им,
Что в немом безутешном отчаяньи
Порой застывают, колени свои
 обхватив.

И челюсти стиснув,
Горящие лица ночами
В подушки бросают,
Как в воду бросают ключи.

Молитесь же им,
Неудачникам и ясновидцам,
Бессильным, как дети,
В бессмысленных дрязгах людских.
Молитесь добру,
Не умея, быть может, молиться,
И не забывайте порой
 помолиться за них.

1986 г.

Как Бог родил -
Такая и живу.
И жалостью
 подачки не прошу,
И хохочу, всё посылая
 к чёрту,
И дружески ударю по плечу,
Когда внутри вся
 скорчусь и молчу,
Когда в сто крат
Долги свои плачу,
Когда тоска
 удушьем рвёт аорту.

1986 г.

А душа не может
 жить одна,
Мечется и требует ответа,
Почему и словом не согрета,
 И зачем одна,
 одна,
 одна!

1987 г.

Я протяну свои ладони
к небу,
И жаркой массой
В них вольётся солнце.
Горячей плотью,
трепетной и жадной.
Я протяну ладони
над землёю,
Я пальцами несчастьям
путь закрою
И буду солнце пригоршнями лить
В дома и в души,
В миллионы рук,
В тревоги ваши -
Подставляйте чаши!
Я напою наш будничный мирок,
Холодный Север, Запад и Восток,
И душ смятенных каждый уголок.
Раздача солнца!
Запасайтесь впрок!

1987 г.

*Мне надо на кого-нибудь
молиться.*

Б. Окуджава

Мне надо верить, что ты есть,
Любить и мучиться мечтами,
Жить ожиданием и снами,
Во всём искать о счастье весть.

Мне надо верить, что ты есть,
И горячо в ночи молиться
Тому, что сердцем я пойму.
Не ключевой воде в кринице,
Не лику строгому в божнице
И не пергаментной странице, -
Лицу живому твоему.

Молюсь тебе, мой светлый бог,
Который не подозревает,
Как много, сам того не зная,
Добра и счастья дать мне мог.

Молюсь тебе, мой грустный бог,
Который не подозревает
Об этой сущности своей,
Не отличаясь от людей.
Его скрывает плоть земная.
Он рядом ходит и не знает,
Что сам он для кого-то бог,
И тоже, верно, бога ищет...

1987 г.

Музыка

Накрапывает дождик.
Из открытого окна - звуки -
играет виолончель.
Капли звуков формируются
медленно.
И стекают, словно густые капли
краски.
Тяжёлые, вязкие
звуки плывут...
Капли их
впитываются
землёй,
людьми,
проходящими по улице,
неподвижным воздухом.
А некоторые
застывают на пол-дороге,
не успев раствориться.
Мы идем по улице
под дождем падающих
капель,
И я подставляю свои ладони
звукам твоего голоса.

1988 г.

И кто теперь от ожидания излечит?
Кто прикоснется мне к руке,
И лоб прижмет ко лбу,
 чтоб стало легче?
Мои воспоминания - неважные
 врачи.
А телефон, в котором раньше
Был заключен твой голос,
 всё молчит...

1988 г.

Битые мы, перебитые,
Словно игрушки разбитые,
Горькой бедою забитые,
Не забывай же меня.

Битые мы, перебитые,
Гвозди, по шапочку вбитые,
Где наши жизни забытые?
Не забывай же меня.

Битые мы, перебитые,
Бедностью насмерть убитые,
К берегу злему прибитые,
Не забывай же меня.

1990 г.

Карелия

На Энг-озере
Сосны бросили
Свои души на мокрый песок.
Бледным маревом
Лес отравленный,
Не успев отдохнуть, в хмарь залёг.

Здесь гранит стоит,
Здесь волна не спит,
Валуны ожерельем лежат.
Ночи белые, розовелые
Чудским мороком
Сердцу грозят.

Поседевший мох
Над водой иссох,
Пьёт он жизнь из утёсов и скал.
Древним заревом
Ночь изранена,
Словно дух “Калевалы” восстал.

Видишь, снова в ряд
Над водой стоят

Тени воинов древних эпох...
...Показалось, друг,
Лишь со скал вокруг
Машут космами
Ветер да мох...

1990 г.

Калужница

Я твой цветочек маленький,
Который подсырой.
Не золотой, не аленький,
Но я всегда с тобой.
Моё сердечко нежное
Звучит весной в лесу.
Тебе плоточек свежести
Я в чашечке несу.

И пусть в лесу мерещится,
Пусть лешие галдят.
Цветочек жёлтый выведет
На чистый луг тебя.
Мой венчик лакированный
Как огонёк во тьме,
Мой путник очарованный,
Укажет путь тебе.

1990 г.

Моя печаль, как пыль
на дне колодца.
А мысль моя – пушок
во тьме колодца.
В пустом колодце не бывает
солнца,
Но в нём зато и плесень
не растёт.

1990 г.

Надежды и мечты
Со стуком отсекая,
В большой и шумный мир
Захлопнулось окно.
Как получилось так?
Знать, жизнь сейчас такая,
Играй, скрипач, играй,
Не то совсем темно.

Пой, красотуля, пой,
Вон тени расплясались,
Из мглы цветной встаёт
Недобрая волна.
Всего-то и нужна
Была такая малость...
Играй, скрипач, играй,
Ведь я теперь одна.

Проходят дни, как дым,
И в них не много смысла,
А по ночам встаёт
Холодная луна.

На ниточке худой
Слепая жизнь повисла,
Играй, скрипач, играй,
С утра и до темна.
Пой, красотуля, пой
С утра и до темна.

1990 г.

Отрешённо и строго
Глядит дорога.
Нет больше терзаний
И нет мечтаний.

Всё, что дорого было,
Всё позабыла.

.....

Но за кромкой рассвета
Таится лето.

1990 г.

Перевертыши

Пахнет сеном над лугами,
В небе жаворонка трель –
Семимильными шагами
Приближается апрель.

А за ним, конечно, март,
Будет форменный инфаркт.

В декабре поднялся жар
И в степи лесной пожар.
Чем же кончилось всё дело?
К январю всё погорело...

Ничего, июль придёт –
Скоро снова Новый год!

1990 г.

Романс

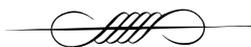
Взгляд твой, то ли бляжий,
то ль лебяжий,
Он меня лишает сна и сил.
И, поверишь, я подумал даже –
Я таких щедрот не заслужил.
Но через мгновенье всё менялось,
И в глазах твоих я был чужим,
В них вскипала
бешеная ярость,
А любовь исчезла,
словно дым.

Взгляд твой, то ли бляжий,
то ль лебяжий.
Всё на свете двойственно, мой друг.
Мёд пермешали с грязной сажей,
Честные глаза обычно лгут.
И когда любовь твоя, поверь мне,
Раскрывает душу до конца,
Лучше уж закрыть покрепче двери,
Чтоб не видеть хитрого лица.

Взгляд твой, то ли бляжий,
то ль лебяжий...
Ты, моя лебёдушка, прости.

Милосердный Бог мне не откажет,
Отодвинет с гиблого пути.
Пусть дороги наши разойдутся,
Ты же будь прекрасной до конца,
Только бляжки черточки и буйство
Пусть исчезнут с чудного лица.

1990 г.

Старость

Там, где ночи смыкаются с днями,
Там где сумрак пророс камышами,
У закраины верхних болот
Старый лось одиноко бредёт.

Как сквозь сон вспоминает сохатый –
Молодым был лосёнком когда-то.
Ах, какие пахучие травы
Он, играя, топтал для забавы.

Ах, какие прохладные росы
Он лизал, быстроногий и рослый,
Ах, какие прекрасные схватки
Затевали быки из-за матки.

Где ты, юность? Слабеют копыта.
Глаз косит, тусклой кровью налитый.
Бок седой мелкой дрожью исходит,
Лось без сна и без времени бродит.

Как бессмысленна дней паутина,
Не осталось ни брата, ни сына.
Спотыкаясь, ступает всё тише...
Лось устал. Он охотника ищет.

1990 г.

Стихи

Я вовсе не прозаик
И не пишу про заек,
Я оставляю в рифмах
Клочки своей души.
Стихи - такое чудо,
Плывут невесть откуда,
Увидишь кончик строчки –
Тащи её, тащи.

Как рыболов на речке,
Я делаю подсечки,
Сачком поддену слово,
Скорей его в садок.
И всё ж сомненье гложет-
Вдруг больше Бог не сможет
Разжечь в груди незримый,
Волшебный уголёк.

Душа всегда волнуется –
Вдруг пламя не раздуется,
Вдруг рыбка не покажется,
Затихнут камыши.
Покуда рифма движется,
Покуда нотка слышится,

Пока неровно дышится, -
Пиши, поэт, пиши...

Покуда пишется – пиши,
Не бойся растерять души.

1990 г.

Только красное и белое,
А через полгода – смерть.
Мчит планета угорелая
В ледяную круговерть.

В танце розовых подснежников
Еле виден белый снег,
Сгинуть им под солнцем бешеным,
Начинающим разбег.

Человечки на окалине
Мыслят только лишь о том –
Сохранить мирок свой маленький
И пустующий свой дом.

Только в красно-белой мороси
Трудно думать о жилье.
Мы в огне сольёмся вскорости
На утраченной земле.

1990 г.

Умирала подруга,
Умирала от рака,
Истончалась нить.
Мы сумеем оплакать,
Не сумели за платье
Ухватить, не пустить!

Умирала подруга.
Заплетённая туго
Распустилась коса.
А на мятой подушке
В синеве полукружий
Всё горели глаза.

Смерть – нелёгкое дело,
Вон душа полетела,
За собою маня.
И оставив в разлуке
Средь непрожитой муки
В ключьях боли меня.

Так куда ж мы уходим,
Под обрывки мелодий,
Заунывных, как стон?
И кому предназначен
В волнах тяжкого плача
Наш последний поклон?

1990 г.

Средь серых улиц
затухает ветер,
И вечер наползает
незаметно,
И зажигает медленные свечи
В домах и в небе,
как зрачки любимых.
Зачем нам жизнь,
Чтоб вечно ошибаться?
Ловить губами
уходящий ветер,
Или в мечту бросаться
исступленно,
Как в ледяную воду
вниз
с обрыва?
Попробуй не увидеть
серых улиц,
Уход друзей
попробуй не заметить
И в свете звезд
попробуй-ка согреться!

Своё же одиночество
попробуй
Погладить,
приласкать и приручить,
Как умную лохматую собаку.
Поди попробуй!

Что, малыш, не можешь?
Чужие свечи не согреют
пальцев,
Холодный ровный взгляд
не даст напиться.
И опустевший дом
в озябших мыслях,
Застывший, тёмный,
Наглухо забитый.
И ни души.
Стучаться
бесполезно...

1990 г.

Старая песенка

На свете славный парень жил,
Как ты, да я, да мы.
О том, что беден, не тужил,
Как ты, да я, да мы.
Жил сам с собой, да тень его,
И больше - никого.

Он делал массу добрых дел,
Как мало кто вокруг.
Нередко дрянь такую ел,
Как мало кто вокруг.
Но скромн был, и оттого
Не знал о нём никто.

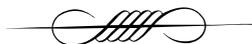
Себе отказывал во всём,
Но одиноким был.
Делился каждым он куском,
Да одиноким был.
Ведь по одежке бедняка
Встречали свысока.

Таков уж белый свет, видать,
Признательность - что дым.
Таков уж белый свет, видать,
Смеялись все над ним,
Что нерасчётлив обормот
И в нищете умрёт.

Но как же он людей любил,
Да незаметным был.
Весь мир любил, себя забыл,
Не слишком счастлив был.
Ведь все родные, и семья,
И все друзья его -
Всего лишь тень,
Его же тень,
И больше - никого.

Лишь человек, да тень его.
А больше - никого.

1990 г.

Ожидание

Три шага налево и направо,
И не ты навстречу мне опять.
Вертится мотив из Окуджавы
И стихов разбойничья орава
Мне мешает думать и молчать.
Всполошатся,
налетят гурьбой,
Будут щебетать наперебой.
Будут развлекать и утешать -
Истину с неправдою мешать.
Будут что-то объяснять взахлеб,
Суетиться, чтоб не одиноко
Мне стоять здесь,
глядя на дорогу,
Голос твой и брови вспоминать,
Ждать...

1990 г.

Наконец-то уснула земля,
И стало так тихо,
Что мне снова стало слышно твоё
дыхание
На другом конце города.

1990 г.

И земных плодов.
Среди всполохов света,
В толпах множества лиц,
Среди чёрных мокрых сучьев,
Днем и ночью...
А на белом снегу
Остаётся цепочка
 следов-
Обугленные следы
Великого страдания.
Бродит русалочка.
Плоть постепенно
 изнашивается,
И душа ищет
всё новые оболочки..

На прошлой неделе
Она вошла в моё тело...

1991 г.

А темнота -
 глаза в глаза -
Глядит бездонными
 зрачками.
Мы с ней бредём -
 щека к щеке,
 висок к виску,
 рука в руке.
А счастье - где-то вдалеке
Мерцает звёздочкой в реке
Недостижимой -
 перед нами.
И бесконечность...

1991 г.

Крик

Друг другу мы перегрызаем
глотки.

Жизнь или смерть!

Жалеть - не сметь.

Любить - не сметь.

Страдать - не сметь.

В пути на полдороге

Присесть и отдохнуть -

Не сметь, не сметь!

Мы чёрствы и безжалостны,
как боги,

Мертвы, убоги.

Жить ли - умереть?

Побитым быть, иль в руки -
плеть?

Жизнь или смерть!

Самим собою быть

и верить людям

Не сметь!

Не сметь!

Не сметь смотреть

с улыбкой

И слабость показать свою

Не сметь.

Ты хочешь выжить?

Будь возможно гибким.
Продай себя
И лги с улыбкой
липкой.
Не хлипким будь,
безжалостным и стойким.
Забудь себя.
А нет - так пей у стойки,
Торчи по барам
И жалей весь мир.
И волокись от пьянки
до попойки,
И с водкой пополам
Читай стихи!..
.....
А может, лучше так,
чем вгрызться в глотки?

1991 г.

В себе всё прошлое
Ношу расплатою.
Не виновата я!
Не виновата я!
А небо – тучами.
А скулы - пятнами.
Сжать зубы накрепко.
Не виноваты мы!
Сжать зубы накрепко,
Чтоб меньше маятно.
Грешим неверием...
Не виновата я!

Что горечь давняя,
Что горечь новая,
В себе подавлено,
Что было дорого.
Что было дорого,
Надежно спрятано.
Грешим неверием...
Не виноваты мы!

Не виноваты мы,
Что нет доверия.
Что неприкаянно
Бредем, не веруя.
Бредем безрадостно
Полями серыми...

И нет ни жалости,
Ни сострадания,
И чуда светлого
Не ожидаем мы.
Своей же памятью
Хрипим распятые,
Воспоминания
Горят расплатою.
Не надо памяти!
Не виновата я.

Как оправдание
И как заклятие -
Водой, волной речной,
Травой залятою,
Огнем и зорями,
Лугами сонными,
Листвой примятою -
Не виновата я!

.....

Склонись,
Ручей лесной,
Над нами мятою.
Не виноваты мы.
Не виновата я.

1992 г.

Не нам с тобой судить,
Кто прав, кто виноват.
Не нам выдумывать
Какие-то причины.
Ах, если б мы могли
Хотя б на миг единый
Очнуться и понять,
Поверить и простить.
Ах, если б мы могли
Хоть на единый миг
Перечеркнуть слова
И снова стать собою...
Любовь пришла бы к нам
Ликующей весною,
Как талая вода,
Как страстный птичий
Крик.

1992 г.

Дриады

Жадно осень пальцы протянула
К небу, и к земле,
и к нашим душам.
Слишком много серого налёта.
Слишком мало радуг
нам осталось.
Заскрипели кости, как колёса,
И глаза повыщвели, и губы,
Паутиной затянуло веки.
Гнезда птичьи на плечах
обвисли,
Лишь гнилые прутья,
Гниль да плесень.
Птичьих песен мы давно
лишились,
И до боли стало одиноко.
Обветшала наша оболочка,
Загнивает кожа,
гибнут корни.
От одежды следа не осталось -
Обнажились груди -
зябко, стыдно,
И в проказы пятнах
наши бёдра.

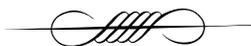
Одряхла наша оболочка,
На коре - чернеющие струлья,
А ведь души
Юными остались!

Так зовут печальные
дриады,
Тщетно прочь
из тел древесных рвутся.
Юная душа - в стволе гниющем!
Но не слышно
человечьих стонов,
Скрипом сучьев сломанных звучат.

.....

Скрип сырых осин в осенней роще.

1993 г.

Как будто снимся мы себе самим.

В тумане призрачном твои

слова

Неясны, слышатся едва-едва.

Мы, взявшись за руки,

идем вдаль,

За караваном - в призрачный

февраль.

1994 г.

Рига

Громада Домского
Плывёт по Старой Риге.
Как весла, фонари
Расплёскивают ночь.

Стекает ночь к реке,
Сливаясь с Даугавой,
И медленно течёт,
Ведя столетьям счёт.

Из капелек речных
Сливаются века.
Из света фонарей,
Из камня мостовых.

Века текут к реке...
И Рига, как корабль,
Плывёт в потоке лет
Туда, где дышит
море.

1994 г.

Растворяется вечер в асфальте,
Растворяется в вечности горе,
Растворяется ласточка в небе,
Ну, а я растворяюсь в тебе.

И мучительно это, и сладко.
Тихо звук замирает в пространстве.
Сердце мечется в теле,

как в клетке.

Бьётся в рёбра, как бабочка...

1994 г.

Пальцы памяти касаются
ресниц,
И морщины появляются
у глаз.
Мы не станем перед прошлым
падать ниц
И смотреть уже увиденный
сеанс.
Только память не уходит
никогда,
Вечно бродит где-то тенью
в стороне,
И становятся прожитые
года
С настоящими, как братья,
наравне.
И стоят давно ушедшие
друзья
За плечами новых, тихие,
как тень.
Ведь от прошлого избавиться
нельзя,
Не проходит без следа
ни год, ни день.

.....

Мы на прошлое не молимся,
малыш.
Мы его не вызываем
на заказ.
Но когда оно касается
ресниц,
То морщины появляются
у глаз.

1995 г.

Помолись за нас,
ветер!
За наши грехи и потери.
Это наши грехи
Вернулись и пали на кожу
Черными хлопьями
С серого неба.

Грех утраты друзей,
Грех неверия,
Грех бессердечья.
Самый тяжкий -
грех гордости.
Как посмели принять
на себя
Страдания сверхчеловеческие
И любовь -
неистовую,
Сильнее небесной любви?

Помолись, а потом -
Ветром по ветру -
разнеси.
Может быть,
тоже где-нибудь
Черным пеплом падем
На землю,
На руки невинных.

.....

Помолись за меня,
ветер!
А потом -
разорви в клочья.
Чтоб и смерть -
ничья,
Как и жизнь -
ничья.
Размети - по земле -
к чертям!
Из бездонности -
хлопья, хлопья,
Оседают на сучьях,
На синей траве
Черной сажей.
Что такое?
Не на чем
взгляд приютить...
Или райские кущи горят
Пламенем
Наших страданий
и нашей любви,
Вторгшихся в сонное небо?

1995 г.

В лес хочу.
Там сейчас
В тишине
Беспокойные
Души
 деревьев
Вечереющий сумрак тревожат.
И скользит по берёзовой коже
Теплота уходящего дня.
В лес хочу.
Побродить
 в тишине.

1995 г.

По поводу зимы и снега

Вот жизнь.
Вот смерть.
А мы посередине.
Куда свернуть -
Налево ли,
Направо?
Да что свернуть -
Полшага
отступить.
Да вот всё
 держимся
Как раз посередине.
Бредем -
Шаг в шаг,
В затылок.
Всё что-то там
 такое
Копошимся
В снегу по пояс,
Вечно...
А на белой
 бесстрастности
За нами
Одной-единственной
Безумной гранью,

Как бритвенное лезвие,
Как всполох
 бессмертной
 памяти,
Дыхание обрывающая,
Одинокая
 до жути
Следов цепочка.

1996 г.

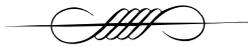

Закат в городе

Красноватое теплое небо
Отдыхает и дремлет,
Очевидно, устав,
От пронзительной яркости дня.

И тяжёлыми нитями солнце
С крыш стекает на кожу,
на руки,
И на волосы,
И на любимые брови...
Словно смола
по шершавому телу сосны.

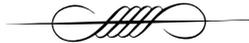
1996 г.

В сине-чёрном деревья мои,
И звенящей густой пустотой,
Как водою, затоплены люди.
Многоцветия звуков не будет,
Тишиною пресытился мир.
Оглушает и давит на плечи,
И слова твои глухи и вечны,
И печальны, как город и вечер,
Напоивший тебя немотой.

1996 г.

Я просила у Бога
твоего голоса.
Я просила твоего внимательного
и ласкового взгляда.
Но Бог, очевидно, решил,
Что все это слишком
много для меня,
И не сотворил чуда.
Как подаяния, я ждала твоего
звонка,
И все пыталась случайно
Попасться тебе на дороге.

И тогда я стала просить
самую малость.
Я просила одного,
только одного –
Видеть тебя
каждый день.
И, наверное, за грехи мои
Бог выполнил это желание...

1996 г.

Над миром властвует сонет.
О нет, он слишком благороден.
Над миром хаос колобродит
И диких рифм топчет бег.
Быть может, властвует поэт?
Так почему ж, дойдя до точки,
Тяну я пиво на обед,
Сосу оборванные строчки,
Как рыбьих рёбрышек кусочки,
И не гроша в кармане нет?
И в шорах белого листа
И мысль пуста,
И жизнь пуста.

1996 г.

На старом Арбате

На старом Арбате
В кривых переулках
Обрывки мелодий
Потерянных бродят,
Сырых, неоформленных...
Бредут потихоньку,
их снегом
Заносит.
И ночью
они
Примерзают
К асфальту -
Неясные души
Несыгранных вальсов,
Andante сонат
И кусочки квартетов -
Без нотных значков, -
Как рассказ без сюжета,
Как души людские -
Слепые,
без тела.
Они примерзают
К асфальту, как льдинки,
И нет в этот час
Никому до них дела

На сонной земле.

А утром
по тем же кривым
 переулкам,
Где ночью поземка
 и чудо
Свершались,
Прохожие зябко спешат
 на работу.
И дети бегут
 в музыкальную школу,
И в полном восторге
От ясного утра,
Мороза и солнца,
Бросаются с визгом
Звучащими льдинками,
 словно снежками.

1997 г.

Круговорот

1

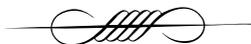
Дубы разбухли от листвы.
Тяжёлым трескаются зноем
И изливаются покоем,
В небытие погружены.
В тягучем мареве июль
Плывёт над сонною землёю.
Мы медленно, как перед боем,
Пьём из ладоней тишины.
Быть может, в этом
 благо есть -
Листать леса за дестью десть
И жить размеренно и мудро,
Не суетясь и не спеша...
И терпкостью земли дышать,
И оживать с приходом
 утра.

2

С приходом утра оживая,
Земля, горячая, живая,
Откроет влажные глаза.
Земля, такая молодая!
И вновь восторг переживая,
Ты не потушишь, не уймёшь

Рожденья радостную дрожь.
Всё вновь течёт
Своим законом,
Извечным, жизнью освящённым.
Войди же в ритм
зелёных схем
И растворишься совсем.

1997 г.

Горький настой прелых трав,
прелых шорохов,
прелой листвы,
Приглушённо-осеннего звона.

Горькой свежести и пустоты
Ржавый напиток застыл
В чашах ветвей оголённых,
В тёмных и сонных затонах.

Капли стекают,
 тяжёлые, ртутные,
Медленно...
 И бесконечен
Терпкой сыростью
остро настоенный вечер.
Раздражающе пряны и странны
 запахи осени поздней.
Их грибного вина
 горький вкус на губах.
Всё, что было, исправить,
 наверное, поздно.
Всё оплачено...
 В блёклой ржавчине

Поздней клюквы застывшие кисти.
Слышишь шорох?
Это ноябрьские звёзды
Тихо падают
в чёрные мокрые листья.

1997 г.

От дома к дому,
От души к душе
Ведёт меня задумчиво и строго,
Ведёт многотерпимая дорога,
Страданием познавая суть вещей.
В пыли следы
 усталых ног,
Что здесь прошли
Свой долгий путь
 без отдыха и срока,
Но каждый путь свершает одиноко,
И нет упрёка в знаках на пыли.

В пути ясней глаза бывших друзей,
В дороге дни прошедшие добрей,
Звучней воспоминаний
 светлый звон.

Излом кустов, молчание камней
Хранят в себе неписанный закон:
Не тратить сил на слёзы
 и мольбу,
Не обивать случайные пороги,
А лишь прижать
 к пылающему лбу
Морщинами изрытый лоб дороги.

1997 г.

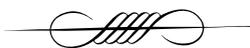

Кругом распластанные стены,
Ветер пробует подняться – и
Падает без сил.
Сверкнул живой огонёк,
затрепыхался
И распался искрами.

Собери сверкающие пёрышки
Подстреленной Жар-птицы
И набей ими наволочку.
Подушка будет пухлая.

Ты будешь спать на ней
После обеда,
Добротно и долго,
Слегка похрапывая,
Распластанный
МЯСИСТЫМ
пищеварительным
СНОМ.

1997 г.

Всю ночь кричали петухи

Б. Окуджава

Петухи кричат ночами
И срывают тайны с ночи,
И хмельными голосами
Рвут ночную горечь в клочья.

Петухи кричат тревожно.
Не призыв, а наважденье.
Будто всё ещё возможно
Помнить предостереженье -

От дурманящего жара,
Отнимающего силы,
Когда губы шепчут жадно -
Подожди, останься, милый!

Когда ночь в объятьях души,
Клейкой ватой стянет тело,
А вокруг - чужие души,
И не пламя - кучка пепла.

1998 г.

Душа твоя - в пощёчинах?
Как водится, в плевках?
Искала справедливости,
Да ткнулась носом в прах.

Искала счастья, радости,
Как жаждущий - воды,
И всякого прохожего
Тащила из беды.

И вот теперь - растоптана,
В дерьме, в плевках, в грязи.
Прошлись по ней, протопали.
Блевотиной разит.

Купи шпагат в хозяйственном,
Покрепче привяжи.
Чтоб не было оказии,
На привязи держи.

Пусть мир страданьем корчится,
Я больше не тужу -
Я душу на верёвочке
По скверику вожу.

Прогуливайся, деточка,
Замкнись сама в себе.
Фарфоровая клеточка
Припасена тебе.

Предательством изъязвлена,
Лежит и не скулит.
Безгласная, безглазая,
Молчит.

Молчит.

Молчит.

1998 г.

Вот и март пошёл к концу.
Лица словно потеплели.
И в преддверии апреля
Пешеходы осмелели -
Без определённой цели
Бродят, ловят звон капли
И влюбляются без цели
Буйно, вихрем - на неделю,
На день, на час - все равно!
Сумасшествие апреля
Всем почувствовать дано.
И влюблённые давно
Целым светом завладели.

1998 г.

Читаю между строчек
звучи,
Они летят, как сонный пух.
Такие медленные звуки -
Летят и думаются вслух.

Стихотворенье на мгновенье
С листа вспорхнуло,
как аккорд.
Всё изменив,
в одно мгновенье,
Разбив вещей привычный ход.
От строчек
чуть заметной тенью
Душа поэта поднялась.
И наших душ возникла связь
В одно какое-то мгновенье.

И, положив конец смятенью,
Она окутала меня,
Добавив ясного
огня
В моё измученное зренье.

И мысли, что
вразброд кричали,
Вдруг стали на свои места,
Едва, как ноты,
зазвучали
Совсем обычные слова.
Всё стало проще и яснее.
Как среди холода – тепло
душа почуяла...
Тепло
другой души,
моей сильнее.

1998 г.

Осенняя мелодия

Неуловимо тонкий вкус разлуки
стоит в лесу.
И запах тишины.
Намокшие берёзовые руки
Чуть различимой музыкой слышны.
Взлохмаченные головы кустов
С растрёпанной и мокрой
грудой веток,
Свисающих, как спутанные пряди,
На лихорадочный и влажный лоб.
А в кучах их воспоминаний -
листьев -
Неразбериха дум, желаний, мыслей...
Леса полны сумятицей осенней.

.....

И, преклонив косматые колени,
Стоят дубы, закрыв руками лица,
И молятся о следующем лете.

1998 г.

Звучанье цвета каждого,
Словно разверзлись
Кожные покровы
 на всем живом,
И тайники раскрылись.
И скрытое страдание живого
Доступно стало мне...

.....

Я гложу в этом несусветном
 вихре,
В твоём прикосновенье
 нежной кожи.

1998 г.

Мои друзья,
Мои печальники,
Прожитых лет моих жрецы.
Мои и слуги, и начальники,
Шуты мои и мудрецы.
За столько лет я вас не узнала,
Вы меж годами пролегли.
Но жизнь ведь не начнётся
сызнова,
Уже и травы полегли.
Уже в осенней липкой мороси
Разводы грязи на окне,
И старость колотушкой
вскорости
Три раза стукнет по стене.
Зачем, куда же вы уходите,
Мои бесценные враги,
Какие кущи вы находите,
Какие новые грехи?
Сказал поэт – что в прошлом
имени?
Но где же новое – то взять...
... Давайте-ка на именины вы!
Зову! Надеюсь повидать.

1998 г.

Одиночество

1

Пустота подступила
К сухому горячему горлу,
И прокралась в меня,
И вошла в мою душу и плоть.
Не заполнить пространства
И бездны не перебороть.
Нету яростных звуков
И вспышек болезненно-ярких.
Всё исчезло,
 лишь мерно звенит
Пустота,
Страшной тяжестью
 медленно
Давит меня,
Вытесняя и мысли и чувства.
Резкой боли хочу,
 рвущей тело на части,
Чтобы знать, что оно
 существует.
В боли жизнь.
В резких звуках пульсирует кровь.
Вспышка магния -
 сильный и страстный порыв.
Надо крикнуть...
Но звуки ушли в пустоту.

И не знает никто,
Что теперь я - одна оболочка...

.....

Это пустота
Медленно вытеснила
всё
Вокруг меня и внутри меня.

2

Пустота подкралась
И обрушилась сразу,
внезапно,
Клочья пыльных надежд
паутиной обвисшей сметая.
И не стало мне сна.
Неподвижная стая слепая
Молчаливых вещей
Стала вдруг расползаться
со скрипом.
Копошась, оживали
Рассохшийся шкаф,
этажерка...
И мучительно долго скрипели
последние стулья,
Уходя,
Ковыляя в пространство
исчезнувших стен.

1999 г.

Белокрыл
(Болотная элегия)

Потерял белый лебедь крыло,
И оно по теченью поплыло,
И сиротство его перешло
К белоснежным цветкам белокрыла.
И зажглись они сотней огней
Среди старых сухих камышей.

Восковая тоска в лепестках,
Жизнь другая, наверно, приснилась.
Стебель тиной болотной пропах,
Красота превращается в страх,
С затхлою заводью время простилось.
И мне кажется, воздух застыл
Над полями затопленных крыл.

Их обходит течение реки,
Вот и лебеди мимо проплыли.
В воздух тянут ладони цветки
Из тоски камышовой и гнили,
Словно снова хотят улететь...
Не отпустит болотная клеть.

Дай-то Бог, чтоб он небо забыл,
Ведь привязан к воде белокрыл.

1999 г.

На подходе божий праздник,
И чтоб разбудить народ,
Над землёй, над городами
Колокольный звон плывёт.

Словно бы тяжёлой ватой
Укрывает всё кругом,
Все прорехи и заплаты
Звон латает напролом.

Мощный звук плывёт клубами
С колоколен на восход.
В переулках под ногами
Закружил водоворот.

Чтоб сомнений не осталось,
От темна и до зари
Изгибались, извивались,
Изгалялись звонари...

Их мятущиеся тени
Среди сумрака черны,
Светлый праздник Воскресенья
Из ночной ковали тьмы.

Колокольную повинность
Исполняли до конца,
И до Бога достучались
В звонкой меди их сердца.

Из печали и сомнений,
Из тревоги и забот,
Как венец всего творенья
Солнце алое встаёт.

Как набухший плод столетий
И ликует, и манит.
В небе колоколом светит,
Жаркой медью день ярит.

1999 г.

Дачное

На даче что-то стало скучновато,
Здесь смысл существования – лопата,
И скудных гряд землистые клыки
Рвут организм мой слабый на куски.

Копейка жалкая здесь тяжким потом
пахнет,
Над луком дачник как над золотом
чахнет.

Царица общих помыслов – картошка,
И ждут, как ангела, зелёного горошка.

Заложник шестисоточной удачи,
Здесь дачник – черный раб,
а не на даче.
С участка, Боже правый, ни ногой,
Не то пройдёт без пользы выходной.

Бунтуют мускулы, проклятье огороду!
Пойду-ка я скорее на природу.
Шарахаюсь одна в пустом лесу,
Зато домой грибочков принесу.

1990 г.

Всем чужой и давно позабытый,
Дряхлый, чахлый, больной
Бог лесной.

1992 г.

Куколка

Ручки тонкие дрожат,
Ноготки блестят на солнце.
Только бы не уколоться,
Не чирикать, не дышать.

От судьбы не убежишь,
Скоро розочка увянет,
Дождь холодный как нагрянет.
Ну-ка полечку спляши.

В небе серенькие тучки,
Только губку закушу.
Ах, пожалуйста, прошу
Из души убрать колючки.

Кукла зонтиком трясёт,
Кукла носиком поводит.
Кукла места не находит –
И жива – а не живёт.

Ах, какая благодать,
Распрекрасная работа.
Только очень зябко что-то,
Только хочется рыдать.

Кукла слёзку пролила
На фарфоровую щёчку.
С полки пряничек взяла,
Треволненья – под замочек.

Ручки тонкие дрожат,
Кукла пальчик уколола.
Убежать бы, право слово,
Только вот – куда бежать?

1996 г.

На дне

Где-то там, надо мной,
Над пучиной морской,
Проходимцы, отцы, депутаты.

Там живёт свой закон:
Пусть трепещет планктон, -
Выгребайте, мол, всё, чем богаты.

А у нас, в тишине,
На коралловом дне,
Ни амбиций, ни дрызг, ни богатства.

А у нас тут живут,
Строят скромный приют
По законам старинного братства.

И из дальней дали
Не доносят хвальбы
Вопли славы, речей и застолий.

Может, воли и нет,
Но рождается хлеб,
Души живы, чего же нам боле.

Там, над нами, не спят,
Черти в трубы дудят
В честь какого-то злого горнила.

Там, в кромешной дали,
Не идут корабли –
Их давно уже жизнь потопила.

1996 г.

Собака

Этот взгляд человеческий,
Он пронзительно – вечен,
Он бросает в озноб.

Этот взгляд человеческий,
Он плывёт мне навстречу,
Он собьёт меня с ног.

Этот взгляд человеческий,
Через тысячелетья,
Через толщу веков.

Из какого горнила
Вас земля породила,
Вы, потомки волков?

Напружинены лапы
И загрибок патлатый,
Мозг – вместителище снов.

Пишет жёлтой струёю
На снегу вековую
Повесть вечных основ.

1996 г.

Цвет надежды

Цвет надежды – зелёный,
Как лепет травы,
Как морская вода
на закате.

Цвет надежды – зелёный,
Как толща листвы,
Как любимой парчовое платье.
Этот цвет – малахит,
И сплошной изумруд,
И зелёные волны
в кристаллах.

Этот цвет – утешенье,
Покой и уют,
Лекарь глаз, от работы усталых.

Цвет надежды – зелёный,
Цвет буйной мечты,
Цвет весны, одуревшей
от света,

В нём несмелый порыв
Недозрелой души
И все краски горячего лета.
Вкус прохлады и снов,
Мхов шикарный ковёр,

Фанатичный разгул
 дикой страсти...
...Цвет надежды на старость, -
Сказал инженер,
Нежно пряча в копилку пять баксов.
1996 г.

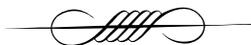
Недетское

На окне насрали птицы.
На столе насрали дети.
В душу мне насрали бляди.
Всю страну просрали дяди.

.....

Господи, как надоело...

1996 г.

Оплетёт тебя боярышник,
Он тебя затанет в чащу.
В ночь, где совы глухо ухают,
Поминая день вчерашний.

Там коряги раскорячены,
А дубы внутри пустые.
Были ягоды горячими,
Да остыли, да остыли.

Берегись, от страха скорчишься,
Изнывая зябкой кожей,
И назад тебе захочется,
Да не сможешь, да не сможешь.

А дубы нашепчут разное,
Совы в голос зарыдают.
Горемыка несуразная,
Где же жизнь твоя худая?

1998 г.

Лесенка,
Жизнь – это лесенка.
Вот и я спускаюсь,
Старенькая плесенка.
Ковыляю по ней одна,
А вокруг – весна.

Лестница,
Крутая лестница.
Так куда ж ты,
Постаревшая прелестница?
Жизнь уже не вернётся вновь.
А вокруг – любовь.

Гнутся
Старые ступенечки.
Жизнь всех ставит потихоньку
На коленочки.
Дайте ж, черти, дожить сполна,
Ведь вокруг – весна.

Медленно
Ползут минуточки.

Жизнь доходит до последней
Глупой шуточки.
А вокруг гуляет безо сна
Не моя весна.
Без меня смеётся вновь и вновь
Не моя любовь.

2004 г.

Дары

В кавказских глиняных селеньях
Гостям вручают подношенья.
Кому – баран, кому – мугам,
Кому и палкой по бокам.
Кому – кинжал, кому – бешмет,
Ну а кому – проклятье вслед.

И мы, отгостевав на этой,
Не слишком радужной земле,
Когда вся песенка пропета,
Всяк получаем по судьбе.

Кому резной дубовый крест,
Чтоб видно хорошо окрест,
Кому – гранитный обелиск,
Кому – вдовы истошный визг,
Кому – поминочный стакан,
Кому – над холмиком
бурьян.

2006 г.

Клюква

На обширном озере Великом
Берега покрыты мохом диким.
Там, у перекрестья трёх болот
Клюква красноглазая растёт.

Шарики прозрачные, живые,
Будто безделушки восковые,
Словно для малюток – лилипутов
Яблочки румяные надуты.

Бусины рассыпались по кочкам,
Заблестели аленьким цветочком.
А внутри, под красной кожей этой
Жаркой кислотой исходит лето.

Осень одарила клюквой поздней,
Лета угольки в лишайник бросив.
И пускай горят они, не гаснут,
Яркие, тугие сгустки счастья.

2006 г.

Облака

Далеко над синими лесами
Облака проходят полосами,
И прекрасен их недолгий путь –
Под звездой неяркой отдохнуть.

К вечеру, ненастною порою
Облака прощаются со мною.
И прекрасен их недолгий путь –
Дождиком пролиться где-нибудь.

Ночью душной что-то мне не спится,
В облаках кричат ночные птицы,
Облакам сулят недолгий путь –
В океане тёмном утонуть.

А на утро, снова рядом с нами,
Облака беседуют с ветрами.
И прекрасен их недолгий путь –
Нам кусочек неба протянуть.

2006 г.

Пайёр

*Пайёр - самая высокая вершина
на Полярном Урале*

Вершина чёрная, как стела,
Над снежно-белым бугорьём.
В каком огне ты обгорела?
И кто погиб в огне твоём?

А белый снег везде чуть розов,
И лишь в тени зеленоват.
Он с виду не таит угрозы,
Но не пускает и назад.

Назад нас не пускают пропасти,
Стоят гранитные клыки.
Я верю, вы тропу не бросите,
Судьбы моей ученики.

А на вершине в белом мареве
Лежат бисквитные миры.
И в белом креме путь разваленный
Всё ждет нас, ждёт нас до поры.

Мы тоже ждём, чтоб вышло в инее
Светило, стылое, как ртуть.
Урал Полярный, не люби меня,
Дай уцелеть и дай вздохнуть.

2006 г.

Песенка

Обидно, досадно, но ладно!
У каждого участь своя.
Чтоб было грустить не повадно,
Не делай ты здесь ни...фига.
Ага!

Чтоб было страдать неповадно,
Учись умирать у людей.
Поверь, это даже приятно,
Вином свою душу согрей.
Балдей!

А если когда-нибудь в полночь
Привидится жуткий оскал,
Добром свою душу заполни,
Как было в начале начал.
Обвал!

Обидно, досадно, но ладно,
Вот ангел полночный звонит,
Чтоб было в груди ненадсадно,
Почувствуй, как сердце летит
В зенит!

2006 г.

Что крепче стали на свете –
Да только трава.
Что зеленее травы –
Лишь мечты на рассвете.
Что же прекрасней мечтаний –
Лишь малые дети,
Их в свой капкан ещё жизнь
Захватить не смогла.
Будет чудесный, и свежий,
и яркий рассвет.
Розовым облаком пар над землёй
заклубится.
Крылья расправит душа,
Словно райская птица,
В мир улетит,
Где совсем невозможного нет.
Что крепче стали на свете –
Да только душа.
Только душа,
Чьи страдания ещё не родились.
В солнечном облаке
Света пылинки роились.
Пусть эта крошка
По жизни пройдёт, не спеша.

Я бы хотела собрать
Всю тяжелую тьму,
В светлый и чистый клинок
Мне б её переплавить,
И от тоски наши бедные
Души избавить.
Юной, зелёной траве
Ведь тоска ни к чему.

2006 г.

Правая рука моя –
твоя.
Левая рука моя –
моя.
Голова у меня –
твоя,
Но беда у меня –
моя.
Обе ноги мои –
твои,
А вот сердце в груди –
моё.
В сердце мечется вороньё,
И оно болит и болит...

2006 г.

Лирика вагантов

*Ваганты – бродячие средневековые
поэты, менестрели.*

Бродили весёлые парни,
И хлеб окунали в вино,
И сыром его заедали.
Ах, как это было давно.

И где-то в завшивленном месте,
Иль в поле, где зори тихи,
Рождались чудесные песни,
Под лютню слагались стихи.

Не жалуя ни феодалов,
Монархов и даже Творца,
Лишь дамам они посвящали
Свои молодые сердца.

О, как вы порой издевались,
Повесы, бродяги, шуты.
Но всё же в веках оставались
Баллады святой красоты.

Средь смрада, и пыли, и гнили,
В пропахших мочой городах
То их на руках проносили,
То с воплями жгли на кострах.

И пусть человечество помнит –
В безумном кружале начал
Поэзии вечный паломник,
Вагант полупьяный стоял.

2006 г.

Багульник

Облиты сиреневым цветом
Стоят в неглиже, не одеты,
Весенние, свежие сопки,
Как девушек круглые попки.

Как бабочек пышная стая
На ветки цветы приседают.
Куруется сиреневым дымом
Багульник в тайге, словно иней.

Такие прозрачные вёсны!
Тайга вдруг столетия сбросит,
И тяжесть, и злобу метели,
Томятся и кедры, и ели.

И ждут, пока юный багульник
Взойдёт на замшелый курульник,
Дорогу им к лету пробьёт,
И в зелени тихо уснёт.

.....

И у меня,
На кухне бедненькой

Стоит один
Букетик бледненький,
Скупой огрызок зари.
И всё-таки он розовый,
Смотри!

2006 г.

Двадцать четыре часа тепла,
Двадцать четыре часа любви.
Мне сказали, что явь светла,
Всё уже позади.
Мне сказали, что смерти нет,
И что рядом цветущий сад,
А вокруг благодатный свет,
Но не смотри назад.

Сказали, - что было в твоём мирке?
Лишь обиды, тоска и боль.
Пусть останется вдалеке
Жизни горькая соль.
Здесь же нежностью дни полны,
Облака источают хмель.
В жизни сладкой такой тишины
Не бывает, поверь.

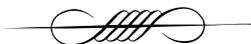
Сказали, - мол, рухнули города,
Закровавилась неба синь.
В небе злая горит звезда
Под названьем Полынь.
Только это всё ерунда,
И вокруг лишь один фантом.

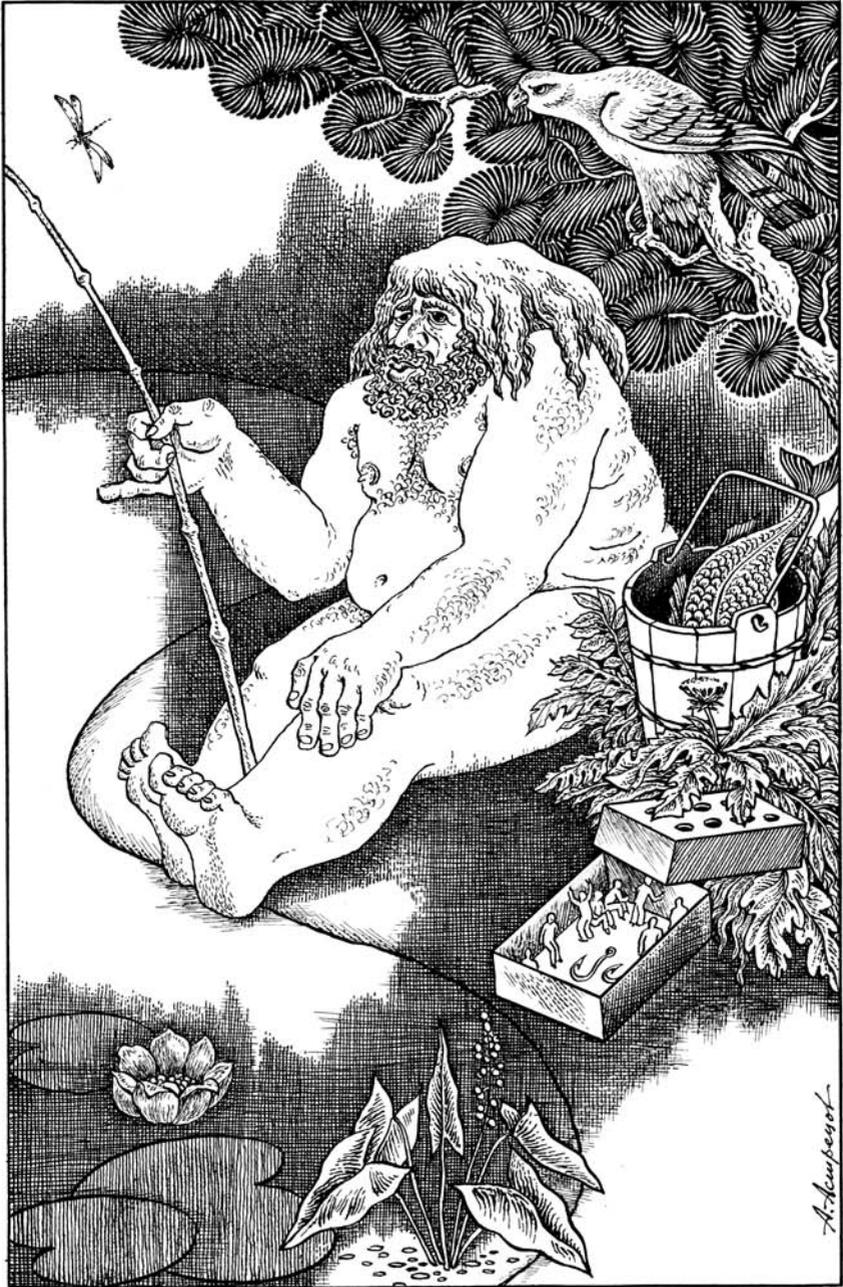
Вечно будет жива земля,
Ну, а рай – просто жёлтый дом...

.....

Как же мне не смотреть назад,
Больше не на что здесь смотреть.
Вечность, лживы твои глаза
И безумны, как смерть.

2006 г.

ВСТРЕЧУ С ЕНУСЕМ

Два расслабленных тела
На пяточке пространства.
Нет дела тайге до нас.
Два измотанных тела,
Изъеденных комарами,
С удивлением осознавших,
Что они
снова мужчина и женщина,
И здесь одни.

За тонким пологом ткани
Мир звенящего гнуса,
Сотен километров таежной пади,
Отупения от неподъемной кладки.
Но это все там.
А тут
 мгновенный уют,
Построенный из стоек и капрона
За несколько минут.

Завтра снова на сопки подъём,
Мы отсюда уйдем,
И опять

Бесполость тяжелой работы,
болотных сапог
и брезентовых роб.
Комары и усталость возьмут реванш.
Но сейчас
этот коротенький час
только наш.

1995 г.

Жижица в яминах.
Мразь болотная.
Тоска зелёная, погода рвотная.
На сопках стланик
Колючий стелется,
Знай шевели ногами, всё перемелется.

Кедровка вскрикнула
И уронила шишку.
Куда ты тащишься? Пропил умишко.
От душной морочи саднит сердечко,
Бредем по яминам.
Мы ищем речку.

Тайга надсадная вот-вот расступится,
Вода прозрачная заполнит руслице.
Уж голубая дорожка выведет,
К широким далям
Байдарку вынесет.

Там свежий ветер обдует душу,
Тоску-усталость тотчас разрушит.
Лишь только б вырваться

Из мшистой пасти,
Ах, как мы поплывем... Ведь это счастье!

Но хмарь болотная всё не кончается,
И нету речки.

Не получается.

В таёжной чаще не заладился маршрут.

И дым костра не создаёт уют.

1995 г.

Буксир

Перед порогом
На тысячи вёрст - Енисей,
И за порогом
На тысячи вёрст - Енисей.
Но какой в тех краях Енисей,
Не узнать никогда, хоть убей.
Не узнать, не понять, самого себя не
обогнать.

Хорошо б повидать, что там дальше,
Какие счастливые дали,
Какие труды и печали,
И что там в конце, и что там в начале.
До моря дойти для суденышка было бы
лестно.

Но нельзя.
Крепче всяких цепей
Держит место,
Где ты оказался нужнее всего,
Или то, что зовут чувством долга.

А оно, поселившись в душе, - не
отпускает уже.
Врастает в металл от киля до кончиков
труб,

На множество дней
Царит до морей Енисей.

Но какой в тех краях Енисей,
Всё равно не узнать, хоть убей.
Всё равно от себя не уплыть -
Не имеет он права порог оголить.
На опасном участке, покуда хватает сил,
Суда принимает буксир.

1995 г.

Вот бы ведьмою стать.
Как чертовски мне всё надоело.
Три десятка ношу своё тело,
Но никто не хочет его целовать.

Вот бы ведьмою стать.
Надоела работа, забота,
Вечных женских тревог несвобода,
Мне бы воздух свободный узнать.

Над лесами летать,
Отдаваясь бездумно полёту.
И единственного, золотого,
Бесконечно родного, чужого
Навсегда к себе приколдовать.
Навсегда к себе приворожить,
Прилюбить, приласкать, присушить.
Или броситься к чёрту в объятия,
Или птицей печальной кружить...

Мне бы ведьмою стать,
Сотню жизней себе загадать,
Сотню жизней ему подарить,
Сотню сотен прекрасных безумств
совершить.

1995 г.

Капитан - голова, поседевший, в годах.
Буксир - проржавевший, в старых
заплатах.

Он как лоцман сейчас,
Без него наш корабль
Не осилит пороги и мели.

Теплоход за кормой, словно айсберг в
воде.

Буксир же похож на старушку,
Которая, хромя на обе ноги,
Тащит за собой игрушку.

Теплоход потом уплывёт,
Впереди - увлекательное плавание.
А буксир постоит, капитан отдохнёт,
И вернётся к новому судну заранее.

Наша жизнь, как буксир,
Мы спешим на тот пир,
Который зовётся удача.
А кому не везёт, тот везёт нас вперёд,
Неудачник для нас просто кляча.

Эй, буксир, оглянись,
Ты зачем тут стоишь,
Зачем помогаешь кому-то?
Оборви этот трос, и только ты
попадёшь
На тот пир, где все пьют и не плачут.
1995 г.

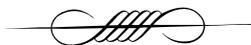
Таёжная быль

Бородатый недоносок,
Зубом цыкая спросонок,
Матеряся, надевает
Дурно пахнущий носок.

А немытая подруга,
Жена его старого друга,
Рядом с палаткой мочится
В промытый дождями песок.

А потом, когда кончится отпуск,
Одеваем мы души в шинели,
В которых столько потели,
И пойдём неработать работу,
Отдаваясь ей
сквозь зевоту.

1995 г.

О пользе штампа

Чужая мысль приятна и удобна.
Её не нужно самому рожать.
Несёт тебя, как ласковые волны,
Тем паче - по течению, а не вспять.

Мысли из литой резины
Как штаны из магазина.
Мысли крепки, мысли трезвы,
Как надёжные протезы.

К практичным штампам я приучен с
детства,
Без них я, как обоссанный щенок.
И незаметно старое соседство
Меняется на новое в свой срок.

Рябь в мозгах, как на водичке,
Штампы греют, словно спички.
К нам любые постулаты
Прирастают, как заплаты.

Если вновь придёт учитель,
Новых истин предводитель,
Он уж нас, отец родной,

Приспособит за собой.

Весь мой народ пристроился в
кильватер.

Салат из догм на завтрак и обед.

Не дергайся, не рыпайся, приятель –

Зачем изобретать велосипед!

1995 г.

ГРИБНЫЕ МОТИВЫ

Грибное мироздание

В начале сущего был гриб.
Но раньше были споры,
Мельчайшие крупинки бытия,
Зародыши и суть всего живого.
И кто сказал, что первым было
слово?

И рассказали грибы:

Мы на мёртвую землю явились из
тьмы.
Боги нам - не указ, нам слова - не
нужны,
Мы создатели этого места.
Из космических бездн, мириадами
спор
Мы засеяли будущим мрачный
простор
И возделали зерна прогресса.

Жизнь и смерть происходят из
общих основ,
Мирозданья закон неподвзято
суров,
Мир пронизан единой грибницей.

Незапятнанной, чистенькой
монашкой
Прокралась в берёзовую рощу,
На плечах прозрачная рубашка,
Я вас всех люблю, чего же проще.

На виду живу, совсем босая.
Я вам всем служить ужасно рада.
Приходите, братия родная,
Всю себя раздеть – моя награда.

И стоит, как ангел, инокиня,
Но её душа таит изнанку.
Есть у девы подлинное имя –
Бледная поганка.

2002 г.

Весь в хвое,
Зарос земной коростой,
Лезет вверх,
Напыщенный и толстый.
Даром, что росточком не велик,-
Завернулся в замшу моховик.

2002 г.

Огоньками жёлтые мазки,
Расплескались в зелени жарки.
Вот взлетят, как чудо – мотыльки,
Не поймёшь, грибы или цветки.

В сарафанах с рыжей бахромой
Набегут, так целою гурьбой.
В чаще золотые бубенцы,
Солнечного августа гонцы.

Но хитры весёлые сестрички,
Оттого и имя им – лисички.

2002 г.

Под травой на мокрой кочке
Тонконогие грибочки.
Все в костюмчиках из плюша,
Глянь – один другого лучше.
Очень хрупкие на вид,
Гвоздиками мох пробит.

Ничего, что хил и тонок, -
Пряный вкус таит козлёнок.

2002 г.

Вот солнечный кокон раскрылся,
И вышел он, ростом велик,
Расправил незримые спицы,
Вознёся могучий старик.

И в белой с лиловым сутане
Лесной кардинал Ришелье
Своё оправдает название
И будет царить в тишине.

Гриб-зонт, не простой -
королевский,
Красавец, каких поискать.
Огромный, внушительный,
дерзкий,
Сосне корабельной под стать.

И пусть его люди не знают,
Не станет мечтой грибника
Гриб – зонт. Он себя не теряет
И смотрит на нас свысока.

2002 г.

А на бархатной подушке
Станцевали три волнушки.
Сами сдобные, как пышки,
Будто розовые ушки.
Их головки все в веснушках
И в растрёпанных махрушках.

Не срывайте их пока –
Подавай им жениха.

2002 г.

В белой шляпе вертопрах
Не желает жить в лесах.
Он в оборчатой рубашке,
Он в сиреневых шелках.
Но французский шампиньон
На родном дерьме рождён.

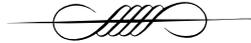
2002 г.

В алой шапке мухомор
Лезет всем наперекор.
Для чужих он фронт известный,
Для своих – грибной позор.
Безобидный шут на вид,
Но учтите – ядовит.

2002 г.

Под старой елью – медяки,
Рассыпаны монетки.
Горят на солнце кругляки,
Стоят, оранжево – легки,
То рыжиковы детки.
А рядом - старые деды.
Воронки их полны воды.
Их брать в корзинку не с руки –
Позеленели медяки.

2002 г.

Среди мха свиные ушки –
Это выросли свинушки,
Аппетитные толстушки,
Холят сытенные брюшки.
Как купеческие дочери
Порасселись на кочках.

Им в тепле и сытости
Больше надо вырасти.

2002 г.

Розовые щёчки,
С прозеленью глазки.
Девицы – красавицы
В теремках из сказки.

Жёлтые сапожки,
Серые ботинки,
В хоровод сбегаются,
Будто на картинке.

На таких красавиц
Кто с усмешкой косится?
Рано апельсиниться,
Поздно абрикоситься.

Им бы в платицах из ситца
Заневеститься.

Не побрезгуй, съешь-ка
Чудо – сыроежку.

2002 г.

В редакции газеты "Ленинское знамя"

*На даче
в Бронницах*

*Вот и школа -
первый класс.
Кто туда идёт сейчас?*

Начало лыжного маршрута по Таймыру

*На льду озера Байкал
(автопробег автозавода "Москвич" -Москва-Владивосток)*

Первый таймень, -
отпущен обратно в
речку, потому-что
ещё маленький
(река Бакланиха,
Туруханский край,
Сибирь)

Подъём вверх по
ручью Нянь-Норга-
вож
(приток реки
Бакланиха,
Туруханский край,
Сибирь)

*В пещере Кап-Кутан,
Гаурдакский заповедник,
Туркмения
(По заданию редакции
"Студенческий меридиан")*

*Интервью с Н. Дроздовым
(По заданию редакции газеты
"Ленинское знамя")*

*Гриб - Весёлка красная,
редчайший гриб, выросший
на даче в Бронницах под
скамейкой*

*Редкие
минуты
отдыха - в лес
по грибы за
новыми
поэтическими
строчками*

С семьёй на даче

Содержание:

ОСЕННИЕ ДОРОГИ

“В крупном снеге в кругах фонарей...”	6
“Уйду в траву...”	7
Весенняя песенка.	9
“Как важно вовремя уйти...”	11
“Сквозь зажмуренные ресницы...”	12
“Брожу по городу...”	13
“Хороший мой!...”	14
“Надо уметь понять...”	15
“Милый мой...”	16
“Льются строки тяжёлые...”	17
“Перед грозой...”	18
“Яблоневый сад...”	19
Вечер	21
“Человек одинок изначально...”	22
Весна	24
“В лесу предзимнем - пустота покоя...”	25
Белый стих	26
Баллада	27
“В свои заботы погружён...”	29
“Я счастлива теперь...”	31
“Молитесь богам...”	33
“Как Бог родил...”	35
“А душа не может ..”	36
“Я протяну свои ладони к небу...”	37
“Мне надо верить, что ты есть...”	38
Музыка	40
“И кто теперь от ожидания излечит...”	41
“Битые мы, перебитые...”	42
Карелия	43
Калужница	45

“Моя печаль как пыль...”	46
“Надежды и мечты...”	47
“Отрешённо и строго...”	49
Перевёртыши	50
Романс	51
Старость	53
Стихи	54
“Только красное и белое...”	56
“Умирала подруга...”	57
“Средь серых улиц затихает ветер...”	59
Старая песенка	61
Ожидание	63
“Наконец-то уснула земля...”	64
Вариация на тему одной старой сказки	65
“А темнота - глаза в глаза...”	67
Крик	68
“В себе всё прошлое ношу расплатою...”	70
“Не нам с тобой судить...”	72
Дриады	73
“Все предметы сталкиваются сегодня...”	75
Песенка о зимней прогулке	76
Рига	78
“Расстворется вечер в асфальте...”	79
“Пальцы памяти касаются ресниц...”	80
“Помолись за нас, ветер!...”	82
“В лес хочу...”	84
“Стихи нагрянут сами по себе...”	85
По поводу зимы и снега	86
Закат в городе	88
Стихотворение	89
“В сине-чёрном деревья мои...”	90
“Я просила у Бога твоего голоса...”	91
“Над миром властвует сонет...”	92
На старом Арбате	93

Круговорот	95
“Горький настой прелых трав...”	97
“От дома к дому...”	99
“Кругом распластанные стены...”	100
“Петухи кричат ночами...”	101
“Душа твоя - в пощёчинах...”	102
“Вот и март пошёл к концу...”	104
“Читаю между строчек звуки...”	105
Осенняя мелодия	107
“Когда с тобою я...”	108
“Мои друзья...”	110
Одиночество	111
Белокрыл	113
“На подходе божий праздник...”	114
Дачное	116
Лесная сказка	117
Куколка	119
На дне	121
Собака	123
Цвет надежды	124
Недетское	126
“Оплетёт тебя боярышник...”	127
Лесенка	128
“Ах, осень, рыженькая осень...”	130
Дары	131
“Кто знает...”	132
Клюква	133
Женское	134
О том, о сём	135
Облака	136
Пайёр	137
Песенка	139
“Что крепче стали на свете...”	140
“Правая рука моя – твоя...”	142

Лирика вагантов	143
Багульник	145
“Двадцать четыре часа тепла...”	147

ВСТРЕЧИ С ЕНИСЕЕМ

“Два расслабленных тела...”	150
“Жижица в яминах...”	152
Буксир	154
“Вот бы ведьмою стать...”	157
“Капитан - голова, поседевший, в летах...”	158
Таёжная быль	160
“Корабль наклонился на правый бок...”	161
О пользе штампа	162

ГРИБНЫЕ МОТИВЫ

Грибное мирозданье	165
“Незапятнанной, чистенькой монашкой...”	167
“Весь в хвое...”	168
“Огоньками, жёлтые мазки...”	169
“Под травой на мокрой кочке...”	170
“Вот солнечный кокон раскрылся...”	171
“А на бархатной подушке...”	172
“Стоит скалой глава...”	173
“В белой шляпе вертопрах...”	174
“В алой шляпке мухомор...”	175
“Под старой елью - медяки...”	176
“Среди мха свиные ушки...”	177
“Розовые щёчки...”	178

Иллюстрации 180

Содержание 187

Светлана Висляева

“ОСЕННИЕ ДОРОГИ”
стихи и баллады о
природе и жизни

Россия, Москва
2007 г.

www.poeza.ru
e-mail: svet@poeza.ru

Подписано в печать 22.01.07
Сдано в печать 25.01.07
Отпечатано ООО “Полиграф Центр”
Формат 60x90/16
Усл. печ. л. 12
Печать офсетная
Заказ №
Тираж 1000